

Вопрос **Инфо**
в.1 (последняя)

Уважаемые участники!

Олимпиадное задание по этому направлению состоит только из инвариантной части. Это означает, что вам нужно постараться решить все задачи и ответить на все вопросы, чтобы претендовать на призовые места.

Все задания выполняются в этой системе: решения вносите в специальное поле для ответов.

Использование сторонних ресурсов и справочных материалов строго запрещено.

Верим в ваш успех!

Вопрос **1**
Балл: 35,00
в.4 (последняя)

Дайте развернутый ответ на **один** из вопросов. В начале ответа обозначьте номер выбранного вопроса.

- 1) Разговоры об искусственном интеллекте остаются одной из самых обсуждаемых тем сегодняшнего дня. Но вслед за первыми страхами, сомнениями и восторгами появляется все больше работ, в которых обсуждаются прикладные аспекты использования ИИ в разных профессиях и видах деятельности. Где и как, на ваш взгляд, инструменты ИИ могут помочь в филологических исследованиях? Есть ли какие-то неожиданные, неординарные способы применения ИИ в филологии? Приведите примеры и аргументы.
- 2) Под влиянием «антропологического поворота», постколониальных и гендерных исследований, социальной истории литературы имманентный анализ текста и описание интертекстуальных связей все больше отступают на задний план. Как бы вы объяснили такой отход от имманентности, собственно «литературности» в исследованиях последних лет? Отмечаете ли вы сами эту тенденцию в ходе обучения или при чтении актуальной исследовательской литературы? Как вы сами относитесь к практикам имманентного анализа художественных текстов и к изучению интертекстуальных связей?
- 3) Представьте себе, что вам предложили прочесть короткий курс по введению в современное литературоведение для старшеклассников или первокурсников; какие методологии и подходы, конкретные исследовательские работы вы бы включили в этот курс в первую очередь (предположим, что в курсе 6 лекций)? Какие художественные тексты вы бы использовали для разбора в таком курсе?
- 4) Как, с вашей точки зрения, соотносятся история переводной литературы и история национальной литературы? Какую роль, на ваш взгляд, играла переводная литература в Российской империи и в Советском Союзе? Стали ли бы вы описывать переводную литературу в России и СССР отдельно или попытались ли бы соотнести историю переводной литературы с тем, что происходило с литературой на русском языке?
- 5) Разрабатывая концепцию мировой литературы, Ф. Моретти говорит о проблеме отсутствия принципиально новых филологических методов для решения подобных амбициозных задач. Можете ли вы привести примеры новых методов и подходов, появившихся в гуманитарных науках за последние годы, которые помогают по-новому посмотреть на известные тексты или предложить пути решения новых задач? С именами каких исследователей связаны эти методы и подходы? В чем суть выбранного подхода или метода? Приведите пример конкретного текста или конкретной задачи.

Параграф 1

Вопрос **2**

Балл: 35,00

в.4 (последняя)

Filologiya

Выберите одно из предложенных высказываний и прокомментируйте его: поясните и контекстуализируйте позицию автора, а также изложите вашу точку зрения на затронутую проблему. Рассуждения проиллюстрируйте примерами из конкретных художественных произведений.

Фрагмент 1

Реконструкция горизонта ожидания, в котором произведение создавалось или воспринималось в прошлом, позволяет, со своей стороны, поставить вопросы, на которые текст давал ответ, и тем самым определить, как прежний читатель мог воспринимать и понимать произведение. Этот подход корректирует не обсуждаемые, как правило, нормы классического или модернизирующего понимания искусства, избавляя от необходимости постоянных ссылок на дух эпохи. Он позволяет увидеть герменевтическое отличие прежнего и нынешнего понимания произведения, осознать – воспроизводя при этом обе позиции – историю рецепции и ставит тем самым под вопрос платонизирующую догму филологической метафизики – мнимую очевидность того, что поэзия присутствует в литературном тексте вне времени, что ее объективный, раз и навсегда данный смысл постоянно и непосредственно доступен интерпретатору.

(Х.Р. Яусс, «История литературы как провокация литературоведения»)

Фрагмент 2

Возможно ли так называемое «имманентное» изучение произведения как системы, вне его соотнесенности с системой литературы? Такое изолированное изучение произведения есть та же абстракция, что и абстракция отдельных элементов произведения. По отношению к современным произведениям она сплошь и рядом применяется и удается в критике, потому что соотнесенность современного произведения с современной литературой – заранее предустановленный и только замалчиваемый факт. (Сюда относится соотнесенность произведения с другими произведениями автора, соотнесенность его с жанром и т.д.)

Но уже и по отношению к современной литературе невозможен путь изолированного изучения.

Существование факта как литературного зависит от его дифференциального качества (т.е. от соотнесенности либо с литературным, либо с внелитературным рядом), другими словами – от функции его.

То, что в одной эпохе является литературным фактом, то для другой будет общеречевым бытовым явлением, и наоборот, в зависимости от всей литературной системы, в которой данный факт обращается.

(Ю.Н. Тынянов, «О литературной эволюции»)

Фрагмент 3

Конечно, литература — лишь одна из возможных сфер производства идеологических метафор. <...> Поэтический язык может конструировать необходимые метафоры в наиболее чистом виде. Именно поэтому искусство, и в первую очередь литература, приобретает возможность служить своего рода универсальным депозитарием идеологических смыслов и мерилom их практической реализованности. Можно сказать, что идеология обладает способностью конвертироваться в столь многие и столь разнообразные проявления социального бытия, потому что она располагает золотым стандартом, сохраненным в поэтическом языке. По известной пословице, соловья баснями не кормят. Зато сами соловьи с успехом кормят баснями орлов, дву- и одноглавых, львов, драконов и других геральдических чудищ.

(А.Л. Зорин, «Кормя двуглавого орла...: Русская литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX века»)

Параграф 1

Вопрос 3

Балл: 30,00

в.4 (последняя)

Прочитайте текст на том иностранном языке, которым вы владеете (английский, французский или немецкий) и резюмируйте его содержание (на русском языке). Обратите внимание на проблемы и задачи, которые ставит автор, на логику аргументации, основные выводы и положения текста.

Английский язык

Отрывок из книги британского марксиста и теоретика литературы Терри Иглтона

Terry Eagleton, «The Illusions of Postmodernism» (1996)

The chief contradiction of postmodernism is a little like that of old-fashioned structuralism. Was structuralism radical or conservative? It is easy enough to see the ways in which it behaved as a kind of technocracy of the spirit, the final penetration of the rationalizing impulse of modernity into the inner sanctum of the subject. With its rigorous codings, universal schemas and hard-nosed reductionism, it reflected in the sphere of *Geist* a reification already apparent in reality. But this is only one side of the story. For in extending the logic of technocracy into the mind, structuralism scandalized the liberal humanism whose task was to preserve the life of the mind from any such vulgar reduction. And this liberal humanism was one of the dominant ideologies of technocratic society itself. In this sense, structuralism was radical and conservative at the same time, colluding with the strategies of modern capitalism in a way deeply at odds with its own sovereign values. It is as though by pressing a sort of technological determinism all the way through to the mind itself, treating individuals as the mere empty locus of impersonal codes, it imitated the way modern society actually treats them but pretends it does not, thus endorsing its logic while unmasking its ideals. 'System', writes Roland Barthes, 'is the enemy of Man' – meaning, no doubt, that for humanism the subject is always that which is radially irreducible, that which will seep through the cracks of your categories and play havoc with your structures.

There is a similar sort of contradiction built into postmodernism, which is also both radical and conservative together. It is a striking feature of advanced capitalist societies that they are both libertarian and authoritarian, hedonistic and repressive, multiple and monolithic. And the reason for this is not hard to find. The logic of the marketplace is one of pleasure and plurality, of the ephemeral and discontinuous, of some great decentred network of desire of which individuals seem the mere fleeting effects. Yet to hold all this potential anarchy in place requires strong foundations and a firm political framework. The more market forces threaten to subvert all stability, the more stridently one will need to insist upon traditional values. It is not unusual to find British politicians who support the commercialization of radio but are horrified by poems which don't rhyme. But the more this system appeals to metaphysical values to legitimate itself, the more its own rationalizing, secularizing activities threaten to strike them hollow. These regimes can neither abandon the metaphysical nor properly accommodate it, and they are thus always potentially self-deconstructing.

The political ambivalences of postmodernism match this contradiction exactly. <...> Postmodernism is radical in so far as it challenges a system which still needs absolute values, metaphysical foundations and self-identical subjects; against these it mobilizes multiplicity, non-identity, transgression, anti-foundationalism, cultural relativism. The result, at its best, is a resourceful subversion of the dominant value-system, at least at the level of theory. There are business executives who have heard all about deconstruction and react to it much as religious fundamentalists do to atheism. In fact they are quite right to do so, since in its more politicized forms deconstruction is indeed an assault on much of what most businessmen hold dear. But postmodernism usually fails to recognize that what goes at the level of ideology does not always go at the level of the market.

Французский язык

Фрагмент из книги французской исследовательницы Паскаль Казановы (1959–2018)

Pascale Casanova, *La république mondiale des lettres* (Paris: Seuil, 1999). Chapitre 3. "L'espace littéraire mondial"

Nationalisme littéraire

Au début du siècle dernier, alors que plusieurs champs littéraires autonomisés sont déjà apparus, le lien entre politique et littérature est réaffirmé sous une forme explicite à travers les théories de Herder. C'est à travers cette nouvelle forme de contestation littéraire que s'est constitué le second pôle de l'univers. Dès lors, le lien de la littérature avec la nation n'était plus une simple étape nécessaire dans la constitution d'un espace littéraire, mais il était revendiqué comme un accomplissement. La révolution opérée par «l'effet» Herder ne transforme pas la nature du lien structurel qui unit la littérature (et la langue) à la nation. Au contraire, Herder ne fait que le renforcer en le rendant explicite. Au lieu de taire cette dépendance historique, il en fait l'un des fondements de sa revendication nationale.

La dépendance structurale à l'égard d'instances ou de combats politiques-nationaux était déjà, on l'a montré, le fait

Filologiya

des premiers espaces littéraires qui sont apparus en Europe entre le XVIe et le XVIIIe siècle. Le principe de «différenciation» de l'espace politique européen à partir du tournant des XVe–XVIe siècles reposait en grande partie sur la revendication de la spécificité des langues vulgaires: les langues jouaient un rôle central de «marqueurs de différence». Autrement dit, les rivalités spécifiques qui se sont fait jour dans le monde intellectuel européen de la Renaissance trouvaient, dès cette époque, à se fonder et à se légitimer dans les luttes politiques. Très tôt, le combat pour imposer une langue et faire exister une littérature est le même que le combat pour imposer la légitimité d'un nouvel État souverain. Du même coup, l'«effet» Herder ne bouleverse pas en profondeur le schéma défini par du Bellay. Il va seulement modifier le mode d'accès au grand jeu de la littérature. <...>

Dans le cas des «petites» littératures, l'émergence d'une nouvelle littérature est indissociable de l'apparition d'une nouvelle «nation». En effet, si la littérature est directement liée à l'État dans l'Europe préherderienne, ce n'est qu'à partir de l'époque de la diffusion des critères «nationaux», dans l'Europe du XIXe siècle, que les revendications littéraires vont prendre des formes «nationales». C'est pourquoi on pourra observer l'apparition d'espaces littéraires nationaux en l'absence d'État constitué, comme dans l'Irlande de la fin du XIXe siècle, dans la Catalogne, la Martinique ou le Québec d'aujourd'hui, et d'autres régions où apparaissent des mouvements de nationalisme politique et littéraire.

La nouvelle logique qui s'affirme, contre la définition autonome de la littérature, permet l'élargissement de l'univers littéraire et l'entrée dans la concurrence littéraire de nouveaux protagonistes, mais introduit dans l'univers des critères non spécifiques. Le critère de «nationalité» ou de «popularité» des productions littéraires proposé par Herder est évidemment aisément politisable. L'identification qu'il opère entre langue et nation, entre poésie et «génie du peuple» fait de ces conceptions un instrument de lutte inséparablement littéraire et politique. C'est la raison pour laquelle tous les espaces littéraires qui l'ont revendiqué sont aussi les plus «hétéronomes», c'est-à-dire les plus dépendants à l'égard des instances nationales (et/ou politiques).

Немецкий язык

Отрывок из фундаментальной работы Райнхарта Козеллека «История понятий»

Begriffsgeschichten: Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache. Frankfurt am Main, 2006, Teil I: Zu Theorie und Methode der Begriffsgeschichte

Die dargestellte Geschichte und ihre sprachlichen Quellen

Die analytische Trennung zwischen einer außersprachlichen und einer sprachlichen Handlungsebene gewinnt den Rang einer anthropologischen Vorgabe, ohne die überhaupt keine geschichtliche Erfahrung in alltägliche oder wissenschaftliche Aussagen überführt werden kann. Denn was – jenseits meiner Eigenerfahrung – geschehen ist, erfahre ich nur noch durch Rede oder Schrift. Auch wenn die Sprache im Vollzug des Handelns und Leidens – streckenweise – nur sekundärer Faktor gewesen sein mag, sobald ein Ereignis in die Vergangenheit geraten ist, rückt die Sprache zum primären Faktor auf, ohne den keine Erinnerung und keine wissenschaftliche Transposition dieser Erinnerung möglich ist. Der anthropologische Vorrang der Sprache für die Darstellung der geschehenen Geschichte gewinnt damit einen erkenntnistheoretischen Status. Denn sprachlich muß entschieden werden, was in der vergangenen Geschichte sprachlich bedingt war und was nicht.

Anthropologisch konstituiert sich jede "Geschichte" durch die mündliche und schriftliche Kommunikation der zusammenlebenden Generationen, die ihre je eigenen Erfahrungen einander vermitteln. Und erst wenn durch das Aussterben der alten Generationen der mündlich vermittelte Erinnerungsraum zusammenschmilzt, rückt die Schrift zum vorrangigen Träger geschichtlicher Vermittlung auf. Zwar gibt es zahlreiche außersprachliche Reste, die von vergangenen Ereignissen und Zuständen zeugen: Trümmer von Katastrophen; Münzen von wirtschaftlicher Organisation; Bauten, die auf Gemeinschaft, Herrschaft und Dienste, Straßen, die auf Handel oder Krieg verweisen; Kulturlandschaften, die generationenlange Arbeit, Denkmäler, die Sieg oder Tod bekunden; Waffen, die vom Kampf, Geräte, die von Erfindung und Verwendung zeugen, insgesamt "Relikte" bzw. "Funde" oder Bilder, die alles zugleich bezeugen können. Alles wird von historischen Sonderdisziplinen aufbereitet. Was freilich sich "tatsächlich" ereignet haben mag, das läßt sich über alle Hypothesen hinaus nur durch mündliche und schriftliche Überlieferungen, eben durch Sprachzeugnisse sicherstellen. An den sprachlichen Quellen erst gabelt sich der Weg, was in der Vergangenheit als "sprachlich" und was als "tatsächlich" im Geschehen zu verbuchen ist.

Was wie in eventu zusammengehörte, läßt sich post eventum nur noch durch Sprachzeugnisse ermitteln, und je nach dem Umgang mit dieser sprachlichen Überlieferung, mündlicher oder schriftlicher Tradition, rücken die verschiedensten Gattungen zusammen und andere auseinander. Es zeichnet den Mythos und die Märchen, das Drama, das Epos und den Roman aus, daß sie allesamt den ursprünglichen Zusammenhang zwischen Rede und Tun, zwischen Leiden, Sprechen und Schweigen voraussetzen und thematisieren. Erst diese Vergegenwärtigung einer geschehenden Geschichte selbst stiftet den Sinn, der erinnerungswert bleibt. Und genau dieses leisten alle Historien, die sich wahrer oder fingierter Reden bedienen, um den erinnerungswürdigen Geschehnissen gerecht zu

Filologiya

werden, oder die jene zur Schrift geronnenen Worte abrufen, die die Verquickung von Reden und Tun bezeugen.

Параграф 1